

ИМЯ НА АФИШЕ

Камий КАЙОЛЬ:

Кам. правда. - 1998. - 4 июня. - с. 4.

В Москве мне не хватает только вина. И сыра!

Актриса «Табакерки» ради русского театра покинула Париж

Она сидела за столиком кафе на улице и курила сигарету «Житан блонд». Невысокого роста, скорее шатенка, чем брюнетка. Никакой косметики на лице, рюкзачок за спиной, спортивный стиль. Обычная московская барышня, слишком утомленная к концу дня поездками в метро, уличным шумом и прочими прелестями буднего дня в большом городе. Она не пыталась произвести впечатление - было видно, что это ей совсем не нужно. И она не являлась обычной московской барышней. Камий Кайоль. Французская актриса Театра Табакова. Нам слишком часто рассказывали сказки про русских девушек, уезжающих «туда». Камий - героиня сказки наоборот.

Она прекрасно знает, о чем будет неизбежный первый вопрос. Так и случается.

- Камий, у вас наверняка об этом спрашивают все. И все же: почему француженке вдруг захотелось поехать в Россию и стать здесь актрисой?

- Ничего тут особенного нет - все случайно получилось, - отвечает она. У нее легкий акцент, который трудно описать: некоторые согласные смягчаются, некоторые гласные чуть растягиваются. - Я познакомилась в Париже с русскими студентами. А потом приехала сюда, посмотрела, как здесь работают, и, когда мне сказали, что есть возможность поступить в Школу-студию МХАТ, я согласилась попробовать.

- Вы уже знали русский язык?

- Нет. Но оттого, что я была единственной француженкой, единственной иностранкой... Это все очень быстро происходит. Нет выбора. Нужно понимать и быть понятой.

- Чем же вы занимались во Франции, чтобы так вот все бросить?

- Я училась в университете, на филологическом факультете. Я всегда мечтала быть актрисой, верила, что когда-нибудь это произойдет. Родители говорили: ну ты сначала ди-

Фото Михаила ГУТЕРМАНА.

Камий с Сергеем Безруковым в спектакле «Псих».

просто влюбляешься так, что невозможно потом оторваться.

- Тут, в Москве, актриса табакерского театра - это престижно, красиво звучит. Во Франции же многие не слышали про Табакова. Вы попали - по московским меркам - в театральную элиту. Понимают ли это ваши родные, друзья?

- Я не переживаю из-за этого. Для моих родителей, естественно, было бы хорошо, если бы у меня было признание. Они, конечно, совершенно не понимают, чем я здесь занимаюсь. Я могу рассказывать, что я играю, что в газетах писали так, сяк. Но все равно - это для них закрытый мир абсолютно.

- А родители приезжали к вам?

- Один раз.
- Они видели вас в театре?

она делает паузу и пытается вспомнить нужный русский вариант. Не получается. Она поворачивается в три четверти, улыбка как будто говорит: «Ну вот видите, еще не все удается».

- Как вы думаете, почему режиссеры выбирают вас? Ведь есть еще акцент, остался небольшой языковой барьер. Влияет ли на них шарм иностранки?

- Мне было бы проще, если бы этот шарм иностранки действительно существовал. Потому что сначала было очень тяжело. И Табаков мне все время говорил: занимайся русским языком, иначе ты никогда не будешь ничего играть в театре. Я знаю, что для «Камеры обскура» Антон Кузнецов посмотрел очень много девушек, а я тогда год была в Канаде. И он как раз туда поехал по делам, и Табаков ему сказал: посмотри, у меня там еще одна актриса сейчас работает. И Кузнецов посмотрел на меня и выбрал - за мои профессиональные данные, а не потому что у меня акцент.

- Еще об акценте. В «Камере обскура» вы играли достаточно пошлую, чувственную девушку, которая затягивает человека, как черная дыра. Она - мешанка, она почти вульгарна. В России французский акцент всегда был знаком утонченности. Тут нет противоречия?

- Мне кажется, это не противоречие. Мне нравится такая смесь - легкости и безумной пошлости, может быть. Хотя... Вы так сказали - пошлая девушка, и я чуть не оби-

делась. Я ее играю, и для меня она не пошлая. Это девушка не из состоятельной семьи, у нее другая манера ходить, другая манера выражаться.

Сейчас насколько тяжело жить в Москве в бытовом отношении?

Камий произносит многозначительное «и-да...» - полдня она пыталась снять квартиру и смотрела предложенные варианты. Ее предыдущую съемную квартиру хозяева собрались продать, и теперь Камий Кайоль часами объясняет по телефону квартирным агентам, как именно ее зовут.

- Многие не понимают. Думают, что я азерба... в общем, с Кавказа.

- А кроме квартирных трудностей?

- Удивительно, что цены - абсолютно как в Париже, если не дороже. А зарплаты совершенно другие. Я помню, я вернулась из Канады и никак не могла понять, как я с такими деньгами буду жить здесь. А потом привыкаешь, и непонятно даже, как это все происходит: у меня нет такого чувства, что я нищая или денег не хватает.

- Вам никогда не хочется убежать домой?

- Нет, абсолютно. Я была недавно - за визой поехала. Приехала, думаю: ой, как все красиво, все чисто, люди все хорошо одеты, со вкусом. Вода просто замечательная - принимаешь душ и думаешь, что это не вода, а крем. В общем, хорошо. Но - скучновато. Чувствуется, что Париж - это уже не тот город, о котором писал Миллер. Меня не тянет туда абсолютно. Я уже привыкла - большие проспекты, шум, много народу. А там все маленькое - улицы, метро. Я удивляюсь - Боже мой, как будто я в макете существую.

Но зато кухня вкусная, по ней я скукаю. И по вину скукаю. И по сыру.

- Тут за углом французские рогастики продаются.

- Да, я знаю.

Последнюю фразу она произносит почти мечтательно, и снова поворачивается в три четверти - к той самой кондиционерской с рогастиками. Хочется назвать ее Магдой, поскольку имя Камий кажется еще более нереальным, выдуманым, чем имя набоковской героини.

- Ваше имя... Камий - это, случаем, не вариант Камиллы?

- Нет, это другое. Мне нравится мое имя, я уже привыкла. Даже больше нравится на русском, чем на французском.

- Простите, а в чем разница?

- Ну, все же здесь говорят «Камий Кайоль», а во Франции - «Камий Кайо-оль».

Разница оказывается почти неощутимой - просто согласные чуть смягчаются, а гласные чуть растягиваются.

Валентина ЛЬВОВА.

«Садясь на крайнее место в одном из средних рядов, он еще раз взглянул на нее и увидел опять, что так его поразило, - чудесный продолговатый блеск случайно освещенного глаза и очерк щеки, нежный, тающий, как на темных фонах у очень больших мастеров». Владимир Набоков. «Камера обскура».

плом получишь, и потом будешь делать все, что ты хочешь. Но, как они хотели, не получилось.

- Ну а диплом?

- Я все бросила и приехала.

- Что же это за студенты были такие, что они моментально вас уговорили?

- Я думаю, что это просто русские. А здесь или не нравится с самого начала, или

- Один раз. Им очень понравилось сначала, они даже успокоились, сказали: мы понимаем, почему ты здесь. Но забыли тут же.

- Они у вас кто?

- Мама у меня ортопед, а муж ее - профессор по философии. Он как раз помогал в университете. А папа мой... специалист по атому.

Перед последними словами

«Париж открыт, - но мне туда не надо» (В. ВЫСОЦКИЙ)